

Камчатка. Заметки одной ительменки^{*}

Я коренная камчадалка, точнее ительменка, наша народность насчитывает около 1000 человек. Родилась я в 1950 году. Когда моя мама вышла второй раз замуж (1952 г.), мы жили в селении Ганалы, где говорили на ительменском наречии, чего мама, 1929 г. р., уже воспитанная и жившая до второго замужества в русскоязычном селе, немного побаивалась. В основном там жили охотники (отца я не помню, а мой отчим был охотником — он на много дней уезжал на собачьей упряжке в горы, в лес для охоты на пушного зверя), а в середине 50-х годов этот поселок стал невыгоден для государства и постепенно закрыли начальную (срок обучения первые 4 года) школу, сельсовет, магазин, почту.

Мы вынуждены были переехать в 1955 году в другое село — Малки. Здесь еще оставались элементы ительменского быта: охота, рыболовство, собирание ягод, трав, я хочу сказать, что преобладали эти промыслы, земля же обрабатывалась для того только, чтобы прокормить данное селение. Малки постигает та же участь: закрывается сельсовет, школа... И мы в 1957 году вновь переезжаем в другое место, т. к. у родителей тогда уже было пятеро детей (позже еще 2-е детей) и я тоже готовилась пойти в школу. Мы поселились в долине реки Камчатки (места уже почти три века русскоязычные), на родине моей мамы, если учесть, что расстояние между селениями — десятки-сотни километров, а ительмены ведут оседлый образ жизни, и языки в двух поселках могли незначительно отличаться друг от друга.

Надо отметить, что школы в Ганалах и Малках были русскими, т. к. ительменский язык бесписьменный и употреблялся только в быту. Была попытка создать письменность на латинской основе (в 30-х годах изданы букварь и учебник арифметики), но ительмены в большинстве были неграмотны, да и часто велись такие разговоры, что местное

^{*}Научный архив НИПЦ «Мемориал». Ф. П-1 (Р. И. Пименов). Коллекция самиздата. Ед. хр. 7.29. Машинописный текст (4 с.). Орфография и пунктуация оригинала передаются без изменений, Оpubл. во фр. пер.: Sinanevt 1980. (Здесь и далее см. список литературы к предваряющей статье Анны Шибаровой).

население стыдится своего языка и даже своего расового типа. Мой отчим, когда мы уехали из Малок, уже никогда не говорил на своем языке и не учил нас. Бабушка тоже знала ительменский, но предпочитала давать мне уроки удмуртского (в 40-е годы были переселения удмуртов на Камчатку).

Уже будучи замужем за московским полиглотом, который заинтересовался ительменским, мы отправились в 1975 году на поиски языка. Но тут нас постигла неудача: в Палане, где нам удалось разыскать грамотного, хорошо владеющего ительменским языком человека²⁷ — милиция нам предложила покинуть поселок (для поездки на Камчатку необходим специальный пропуск, в котором указан пункт пребывания). При посадке самолета в Усть-Хайрюзове мы сбежали и без еды и при моей беременности пошли пешком в ительменский поселок Ковран (20 км). Там мы общались с ительменами, от них мы узнали о депортации таких поселков, как Морошечное, Белоголовое... Люди были оторваны от своих родных мест, от привычного языкового окружения, даже пусть очень узкого.

В том же году у нас родился мальчик, которого мы решили назвать ительменским именем Эмемкут. Но председатель Шаромского сельсовета Шильникова сказала: «Никаких ительменских имен, только русские!» Она объясняла это тем, что в словаре имен такого имени нет. Нам помогли друзья (их письма, их возмущение) и письма из официальных инстанций (мы обращались в корякский национальный округ и на материк²⁸ в Совет национальностей СССР).

Я люблю Камчатку, ее природу, но, выйдя замуж, я предпочла уехать в Москву, потому что человек там работает на износ, не давая себе отдыха. Люди там зарабатывают много денег, а употребить их некуда, многие выезжают на материк, но этого так мало при той суровой жизни. И часто после изнурительного труда в море (по несколько месяцев), на обработке рыбы на берегу, где женщины трудятся наравне с мужчинами, им негде провести свой досуг: библиотеки очень бедны, каждодневное

27 Валерий Дмитриевич Запороцкий. — А. III.

28 Жители отдаленных континентальных районов России, и не только таких, как Камчатка или Чукотка, чувствуют себя отрезанными от «материка», подобно обитателям островов. — Б. Шишло.

кино надоедает, и единственное спасение — водка. И пьянство приняло громадные размеры. Коренное население особенно легко поддается этому пороку, будучи оторвано от привычного образа жизни: чаще всего местных записывают русскими для того, чтобы они не могли ловить красную рыбу в реках, охотиться, потому что это теперь называется льготами.

И с трехмесячным ребенком мы поехали в Москву.

Хочу немного рассказать о своих походах в жилищную контору (ЖЭК-33).

Во-первых, малыша надо прописать. В ЖЭК'е немолодая паспортистка, которая несколько лет скрывала свою фамилию, но т. к. наши походы в ЖЭК были относительно частыми, мы сумели установить личность: Петрова Вера Андреевна, начала со слов: «Да мы тебя беременной-то не видели!»

Во-вторых, как малоимущая семья мы обратились за пособием (12 рублей в месяц). ЖЭК никак не обойти — нужна справка о составе семьи — и тут уж меня назвали «аферисткой». Спустя два месяца на новый календарный год нужна та же справка о составе семьи. Петрова: «Да мы же недавно давали справку...» «Не недавно, а в прошлом году». На следующий год за той же справкой меня уговорил пойти муж. Новое препятствие: Петрова В. А. отказывается дать справку. Письма в разные инстанции вынудили работников ЖЭК'а пригласить нас прийти за злополучной справкой.

В январе 79 года, несмотря на настояния мужа, я категорически отказалась от пособия. В глубине души я надеялась, что в международный год ребенка Собес и без жэковской справки продолжит эту мизерную помощь. Но не тут-то было. Весной 1979 года получаю письмо: «Из-за отсутствия необходимых документов постановили отказать вам в пособии». Документы: справка из ЖЭК'а. В деле данная справка, каждый год одна и та же, подшита в 4-х экземплярах.

Моя бабушка*

Синаневт — коренная камчадалка. Я познакомилась с ней на ее родине — деревня в долине реки Камчатки между сопок — этот полуостров на Тихом океане находится в 12-ти часах лёта на самолете от Ленинграда, а если добираться поездом и теплоходом, то пройдет большие недели. Разница во времени между Ленинградом и Камчаткой 9 часов.

Синаневт на удивление европейцам чрезвычайно вынослива и терпелива: я едва поспевала за ней, поднимаясь на сопки. В ней много природной мудрости, бескорыстия и естественного благородства души.

Т[атьяна] М[амонова]

Моя бабушка любила путешествовать. Ее дети, а их было больше десяти, не говоря уже о многочисленных внуках, поразъехались кто куда²⁹ — и она их навещала. Но не только у них, во многих домах она была желанным гостем. Не с одним поколением бабушка ходила в лес за ягодами, на охоту, на рыбалку, она умела принять роды, выходить больного. Дедушку я не помню совсем, а бабушка была необыкновенным человеком, не так уж долго мы были вместе, но я любила ее больше всех, она учила меня многому. Учила меня шить, сучить нитки из крапивы, говоря при этом: «Но-ка ли, я посмотрю, какая ты мастерица». Я помню ее трясущуюся голову (какой-то медведь оставил память), помню, как мы с ней «промышляли» мышей, как собирали сарану: она клубень копает, а я цветы срываю. Клубни сараны (лилии) используются в пищу.

*Архив НИПЦ «Мемориал». Ф. 190. Оп. 1. Д. 19. Опубл. во фр. пер.: Sinanevt 1981. В нем. и англ. пер.: Sinanevt 1983; Sinanevt 1984.

29 Я узнала только в 1990-е о том, что ее семейный дом в Пущино сгорел в 1939 или 1940 году, что, наверное и стало причиной их переселений в другие деревни. — Тьян Заочная (далее Т. З.).

Я часто слышала, что бабушка была вольной птицей, несмотря на многодетность. Она оставляла детей на родственников и знакомых, потом на старших детей и уходила на охоту. Охотилась она с мужьями (говорят, она не один раз была замужем³⁰), с подрастающими детьми. Охота бывает разная: зимой на пушного зверя, весной и осенью на перелетных птиц, горных баранов, медведей. Почти все лето рыбалка. Когда в реку заходили лососевые арабуч (нерка), чавыча, хайко (кета), кижуч, то ее перегораживали забором³¹, сделанных из тонких стволов тальника (ивы), в одном месте забора находилась «морда»³², куда и заходила рыба. Естественно, что оставлялся проход и для дальнейшего передвижения рыбы вверх против течения — на нерест. Выловленную рыбу привозили на телеге в село и потому каждый житель не оставался без запасов на зиму. Когда у всех было достаточно насолено, засушено рыбы, запор снимался. Индивидуально же рыбу ловили мариком (крючком на длинном шесте). А какой камчадал не любит свежей ухи у костра и выпить ароматного чая у реки. У нас сейчас запрещен лов лососевых, но лето уже не лето, если хоть раз на рыбалку не сходить. И мы, как воры, все же несколько рыбин да засолим на зиму. Не может камчадал без рыбы.

А сколько ягод собрали бабушкины руки. Из первых ягод (первый сбор) она пекла пирог. Не помню, когда я сама в первый раз собирала жимолость, но в 5 лет мне бабушка сшила небольшой чукач из бересты, так что собранное я могла уже приносить домой. Бабушка бережно обходилась с ягодными кустами, не обирала их до конца, оставляла для других любителей полакомиться сладким. Возвращаясь домой, она обязательно наломает веток березы, для веника, чтобы попарить в бане свои «косточки», сорвет какой-нибудь травы, потому что бабушка врачевала. Лечила она людей и животных, принимала их жизнь, спасала их жизнь. На моей памяти она принимала трудные роды у уже немолдой женщины. Девочка та уже сама стала матерью.

30 Первый муж Заочный Александр умер в начале 1930-х, второй — в 1940-х. С тех пор она и стала «вольной птицей». — Т. 3.

31 Сейчас уже не могу объяснить, почему я тогда вместо «запор» написала «забор». — Т. 3.

32 Ловушка, сплетенная из прутьев. — Т. 3.

А однажды мы с нею спасли тонувшего в весенней воде щенка. Через несколько лет мне показали его. Звали его Двоеглазка, так как у него над глазами были белые круглые «брови».

Как я говорила, бабушка не любила сидеть на одном месте. Частенько она приезжала к нам рано утром — с первыми петухами. На Камчатке снегу выпадает очень много, до 2-3-х метров за зиму. До 60-х годов передвигались в основном на собачьей упряжке. Почти каждая семья имела упряжку. Существовали питомники³³, где выращивали ездовых собак. Так вот, чтобы легче было собакам, ехали обычно со второй половины ночи до обеда, а обед и первую половину ночи отдыхали. Потому у нас говорили: дневали у той-то сопки, у той-то реки. Я хорошо помню эти ее приезды и рассказы о дороге. Потом мне самой пришлось узнать эти долгие дороги. Лежишь на нартах (если ты пассажир) и смотришь на небо, наблюдаешь движение звезд. Въезжаешь еще в темноте в село и первые, кто встречает тебя, это собаки. По всему селу раздается многоголосый лай собак. Люди просыпаются и, так как поселения обычно были небольшими, то уже через несколько минут выяснялось, к кому гости.

По вечерам мы с бабушкой определяли погоду на завтра. По каким-то своим приметам бабушка умела предсказать солнечный день, ветер, дождь... А какие метели у нас бывают. Несколько дней дует сильный ветер, идет снег, так что после окончания одни крыши или трубы видны. И несмотря на это, дома на Камчатке строили все-таки невысокими.

По осени мы ходили за осокой. Осока нужна была для стелек в торбазах³⁴ (тепло и не больно ноге), из осоки плели маты, ими закрывали зимой окна, а весной употребляли на парниках.

Бабушка умела шить торбаза (обувь), выделявать кожу для них. Для дубления кожи мы с нею собирали кору ольхи. Для шитья торбазов она сучила нитки из оленьих жил. Оленьи жилы, камус ительменам доставляли коряки, эвены. Не у них ли бабушка научилась танцевать темпераментный корякский танец «Нюргали».

³³ После пожара в Пушино бабушка и мама несколько лет работали на собачьем питомнике. — Т. З.

³⁴ Мягкие сапоги из оленьих шкур мехом наружу.

Мне было 13 лет, когда она умерла.

Не все я переняла у бабушки, но она оставила во мне свой след. Не через нее ли я стала путешественницей — я много ездила по стране, мечтаю о кругосветном (моя мама впервые увидела город в 50 лет). После школы я стала метеорологом — наблюдателем погоды. А когда я иду лесом, собираю грибы, ягоды, травы, то чувствую, что собирательство заложено у меня в крови.

Когда наступает лето, то шью себе березовый чукач и ухожу в лес. Те, кто помнит мою бабушку, говорят мне: «Ты как бабушка».

Таля*

В четыре года у девочки уже был характер. Трудно сказать, когда он проявился, наверное, еще в животе матери, которую бросил любимый. У Натальи, матери девочки, была нелегкая жизнь. Мужа своего она любила, скучала по нему. Одного ребенка от него уже имела, теперь ждала второго. Чего только не пришлось вынести этой маленькой работающей женщине. Первым делом возникла проблема с жильем — она жила с детьми у свекрови, и та за что-то ее не любила. Но чем же заслужила она эту нелюбовь. Рано утром, перед тем как уйти на работу, стирала, варила обед, убиралась в доме. Два-три раза в неделю нужно было скоблить песком и мести березовым веником деревянный пол. Она варила обед для большой семьи, состоявшей по большей части из мужчин и детей. На домашнюю работу здесь смотрели свысока, но Таля не жаловалась, считала, что если вошла в семью любимого, то значит, так надо. Но как же он ее предал. Не он ли так долго добивался ее любви. Она отдала себя целиком, ничего «для себя» не оставила. И вдруг: ищи себе другого. Какого такого другого. Она ведь тебя любила, твоих детей вынашивала.

Результат не заставил себя ждать. Тяжелая, с водянкой, беременность. Обильное отхождение вод. И вот наконец появилась на свет эта смуглая волосатая девочка. Первое, что приходило на ум: с ней что-то не так. Дочка росла и доставляла матери много хлопот, плакала ночи напролет. Мать качала ее, беспрерывно стирала пеленки, потом шла на работу. А что делать, женщину с двумя маленькими детьми никто просто так кормить не будет. От безысходности начала курить и пить. Однако быстро взяла себя в руки: нет, так продолжаться не может. Собрала пожитки, уехала с детьми в другое село³⁵. Нашла приют у одной

* Публ. в авторизованном пер. с франц. А. Шибаровой, выполненном по: Sinanevt 1982.

³⁵ Уехала из села Шаромы в село Пушино. — Т. 3.

старушки³⁶, которая согласилась присматривать за детьми (мир не без добрых людей!). Устроилась в колхоз дояркой. Вставала спозаранку, доила коров, чистила скотник, выносила навоз, давала скоту силос и сено, и все вручную, по два раза в день. Зимой, когда идет снег и за сутки нарастают сугробы в метр высотой, когда метет пурга, только успевай расчищать дорогу.

Да и коротким летом работы хватает. Это время, когда нужно успеть запастись впрок сеном и силосом, и все вручную. Дети, особенно старшие, должны помогать. С тринадцати лет у Натальи не было выбора. Война и от детей потребовала жертв. Она бросила школу, пошла работать в колхоз. Ей уже доверяли важную работу, даже предложили стать звеньевой, но она отказалась, сославшись на то, что ей всего тринадцать лет. Работа была тяжелая. Выносить из скотника сено и силос значит таскать на спине огромные тюки с травой. Прежде чем уложишь сто тонн сена в стог и они станут кормом для животных, эти сто тонн скошенной травы должны четыре-пять раз пройти через руки человека.

Бывали, конечно, и счастливые минуты. Радостно было видеть, как встает утренняя заря. Не каждое утро, конечно, но иногда ее захватывало, она видела красоту. Даже сама удивлялась: «Как я раньше не замечала?»

После долгой зимы она любила смотреть, как на прогалинах пробивается первая травка, любила умываться талой водой, заливавшей все вокруг. Недалеко от села было одно место, так называемое «зеркало»: весной в воде отражалось небо, обрамленное сопками. И эти сопки постепенно меняли цвет. Зимой были белые, как и все вокруг. Весной — ярко голубые. Затем постепенно зеленели — снизу до середины. В летние месяцы коричневые верхушки покрывались белыми островками, к концу лета становились синими, осенью — голубовато-зелено-желтыми, а потом желтели еще больше.

И вот однажды нахальный огненный лист сыграл с ней злую шутку: выждал момент, когда она пойдет со всеми косить траву, и поджег дом. Все сгорело дотла, она осталась в чем была, в единственном своем летнем платье.

Ее не баловали, хотя она была младшей в семье. Поскольку ее кочевница-мать редко бывала дома, Таля (так ласково называл ее отец³⁷) сама

³⁶ По маминим рассказам. Мама не была разговорчива, но кое-что рассказывала. — Т. З.

³⁷ Александр Александрович Заочный — Т. З.

бралась за домашнюю работу: кормила Буренку, доила, готовила обед, убиралась и чуть ли не каждый день стирала и гладила свое платьице.

Одно чудесное лето она прожила с матерью и отчимом на собачьем питомнике, где беговые собаки проводили летние месяцы и где откармливали молодых щенков. Таля была не прочь провести все лето с родителями, с которыми так часто расставалась. От собак она была без ума. Возилась с ними с утра до вечера, кормила, носилась с ними по полям. Они бегали наперегонки вдоль ручейков и соревновались, кто первый поймает рыбу — она своим крючком (мариком) или они зубами. Когда ходила в лес собирать ягоды и сарану (сорт лилии), эти верные товарищи были ее защитниками. Даже если медведь, их вечный сосед, нападет, с собаками надежнее. Она любила их всех, но одну больше всех, Двоглагозку. Над глазами у нее были белые пятна, похожие на брови, как будто сверху еще два глаза, то есть всего четыре. Однажды она спасла ее — услышала жалобное тявканье и увидела тонущего щенка. А через несколько лет встретила спасенную собаку, здоровую и красивую.

Но вести кочевую жизнь, как родители, она не могла и вернулась работать в колхоз³⁸. Таля была веселая, любила танцевать. Вечерами играла на балалайке, и молодежь пускалась в пляс.

Многие ухаживали за этой большеглазой девушкой, но она любила того, кто обошелся с ней потом так жестоко. Он жалел о своем поступке, хотел вернуться. Но теперь она уже знала эту дурную изнанку мужской любви. Они хотят любви и развлечений. А когда дело дошло до ребенка — уходят. Наталья знала и других, похожих на него. Один обещал на ней жениться, как только умрет его мать (долго бы ей пришлось ждать!).

В суровую послевоенную зиму, когда в их краях было голодно, она не задумываясь вышла замуж за пожилого вдовца и переехала в его село, в совсем другой мир. Здесь никто не понимает ее замкнутости, ее «странный» сдержанности в отношении сплетен и водки. Водку ей льют на голову.

И дочь ее тоже не понимает. С насупленным видом идет она по тропинке, размахивая распущенными рукавами свитера, за которые цепляются головки репейника.

Камчатка

38 Из питомника уехала в колхоз в Шаромы. — Т. 3.